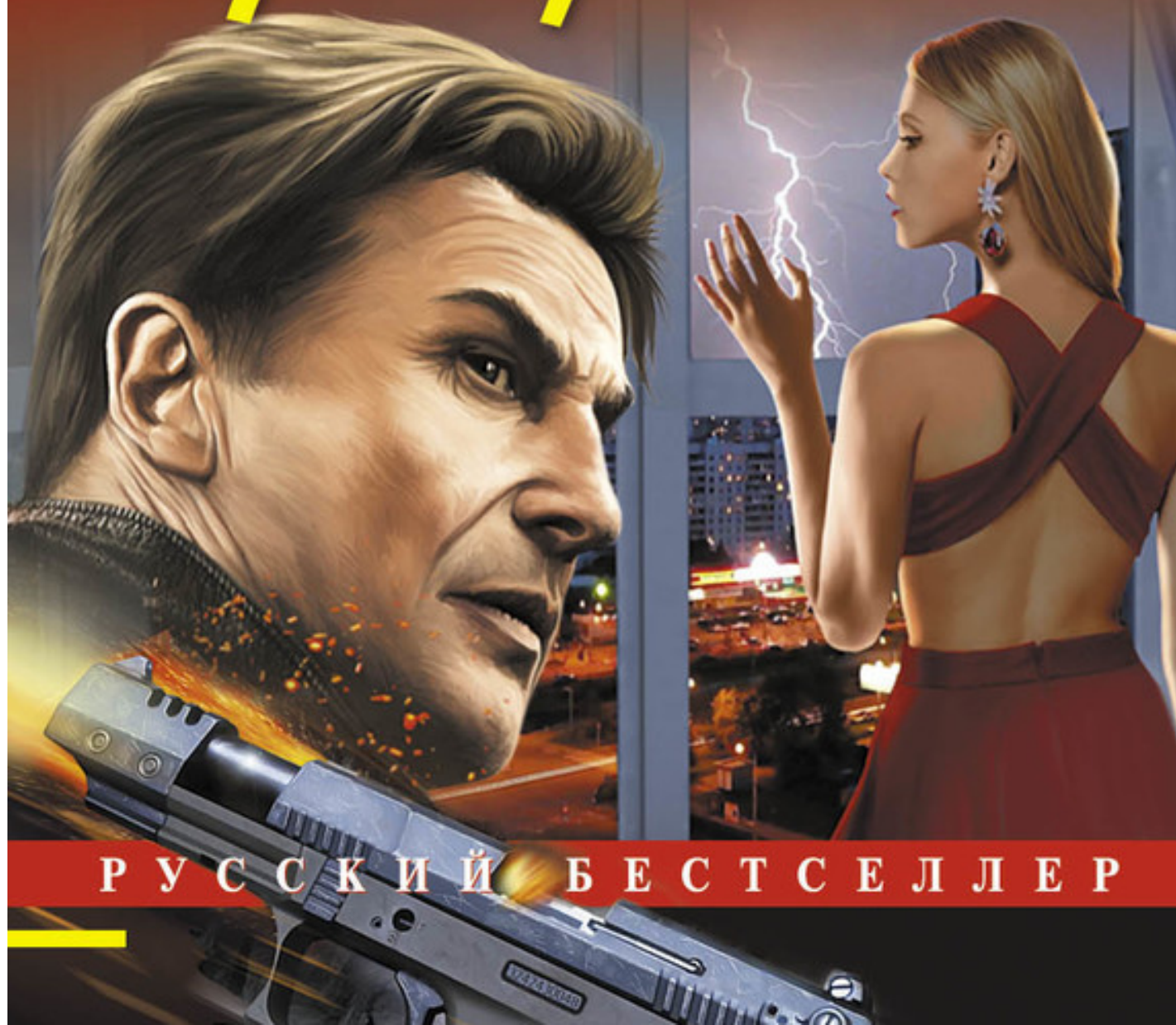

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

Вам поручено цмереть

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Полковник Гуров

Николай Леонов

Вам поручено умереть

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Вам поручено умереть / Н. И. Леонов — «Эксмо»,
2016 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-699-85463-9

В одном из московских скверов найдено тело бизнесмена, владельца мужского глянцевого журнала Сергея Курвихина. Его «БМВ» на месте не оказалось, как и кейса с деньгами, которые бизнесмен, по словам жены, кому-то должен был отвезти. Полковники Гуров и Крячко, взявшиеся за расследование, очень быстро отмели версию банального ограбления. Дело в том, что кейс с деньгами вскоре был найден, и в нем, помимо пачек купюр, лежала визитка директора карьера Глеба Ратманова. Это была очень тонкая, ускользающая нить, но именно она повела сыщиков по сложному лабиринту, полному опасностей и глухих тупиков...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-85463-9

© Леонов Н. И., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Николай Леонов, Алексей Макеев

Вам поручено умереть

© Леонова О.М., 2016

© Макеев А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Глава 1

Протиснувшись сквозь ряды зрителей и избежав по ступеням, ведущим к гримеркам артистов, Гуров нос к носу столкнулся со Станиславом Крячко.

– Опаздываешь? – расплылся в довольной улыбке Станислав, демонстрируя шикарный букет. – Я уж думал, что ты вообще не приедешь.

– Спасибо, Стас. – Гуров стиснул руку друга. – Выручил! Такси отсюда...

– И ты считаешь, что я приехал в Одинцово только из-за того, чтобы отвезти вас с Машей домой? – Крячко мастерски изобразил мавра, нависшего над постелью Дездемоны. – О, несчастный, как ты мог заподозрить старого друга в бездушии, какая утилитарность. Ты считаешь, что ради ее концерта в Одинцове я не мог покинуть Москву и проехать эту сотню километров? Считаешь, что я не в состоянии оценить...

– От МКАД сюда всего пять километров, – раздался за спиной Крячко женский голос. – И почему дама должна ждать цветов от двух полковников так долго?

Станислав резко обернулся, тут же подобрался, одернул костюм, щелкнул каблуками и мастерски боднул головой воздух в полупоклоне. Жена Гурова Мария Строева стояла в дверях гримерки в вечернем платье и укоризненно смотрела на мужчин.

– Машенька, – заверил он, – это было волшебство! Припадаю к твоей руке в экстазе страстного поклонника, ценителя и воздыхателя.

Лев, наблюдавший, как развлекается старый друг, дождался, когда Станислав оторвется от руки Марии, и подошел к ней с цветами.

– Молодец, Машенька, – шепнул он, целуя жену в щеку. – Сегодня ты себя превзошла.

– Хитришь, Гуров, – погрозила пальчиком Мария. – Наверняка приехал к самому окончанию концерта.

– Подтверждаю! – вмешался Крячко. – К окончанию приехал, увы, я. А Лев Иванович, как и положено благоверному, сидел в зале на приставном стульчике и ронял скупую мужскую слезу на не менее скупой букетик. Мой гораздо пышнее, но это исключительно с целью реабилитации за мое опоздание.

– Ох, неугомонный! – засмеялась Мария, прижимая к груди оба букета. – Ладно, полковники, я скоро. Только переоденусь...

Машина неслась по Можайскому шоссе, Крячко, по обыкновению, балагурил, развлекаая пассажиров новыми анекдотами и байками из жизни сыщиков. Гуров с Машей сидели на заднем сиденье и вполуха слушали Станислава. Маша даже задремала, устало положив голову на плечо мужа.

Когда они въехали на Кутузовский, скорость движения сразу упала. Машины перестраивались с крайней правой полосы в левый ряд, Крячко ворчал что-то себе под нос про уродов, которые не умеют ездить, и что московские проспекты поздним вечером и ночью превращаются в трассы гонок сопливых «мажоров», на которых нет управы.

Гуров вытянул шею, сразу обратив внимание, что впереди у обочины стоят полицейские машины. Точно, кроме двух машин ДПС там виднелся и микроавтобус оперативно-следственной группы из ГУВД. Нет, решил он, это не ДТП. А когда они проезжали мимо, стало видно, что большую площадь этой части сквера, захватывающую обочину дороги, высокие кусты и аллею, окаймляет цветная лента ограждения. А за кустами, кажется, лежит человеческое тело.

Крячко мельком глянул в зеркало на Гурова и Марию и воздержался от комментариев. Лев прислушался к ровному дыханию жены и порадовался, что она вовремя задремала и не видит всего этого, незачем портить впечатлительной актрисе настроение после такого замечательного концерта. У нее столько положительных эмоций, а тут... Пусть уж это остается «настоящим полковникам». Это они умеют после общения с грязным, мрачным и злобным

миром преступников приехать на концерт известной московской театральной актрисы и баллагурить, дарить цветы и улыбаться солнечными улыбками.

Крячко снова посмотрел в зеркало, поймал взгляд Гурова и вопросительно вскинул брови. Гуров еле заметно качнул головой и сделал жест рукой вперед – мол, нечего останавливаться, кому положено – работают, а если будет необходимость, завтра они узнают подробности. Сегодня вечер принадлежит только Маше, с ее миром искусства, прекрасных чувств и порывов человеческой души.

Офицеры входили в кабинет генерала Орлова и рассаживались на свои места вдоль длинного стола для совещаний. Сам генерал расхаживал по кабинету с телефонной трубкой возле уха и делал кому-то серьезное внушение по службе. Увидев входящих Гурова и Крячко, он бросил в трубку короткое «подожди» и протянул руку для пожатия.

– Извините, ребята, так я и не вырвался на концерт. Маша не обиделась?

– Да ладно, – тут же ответил Крячко. – Мы все объяснили и привет с пожеланиями от тебя передали. Она все понимает. К тому же невероятно рада, что муж у нее всего лишь полковник. Стань он генералом, и все – видеть она его будет раз в неделю, когда он забежит поменять рубашку!

– Хотел бы – давно бы стал, – усмехнулся Орлов, похлопал Гурова по плечу и снова взялся за свой мобильник.

Это была старая история. За последние десять или даже больше лет Гурову несколько раз предлагали повышение, в том числе и на генеральские должности, но он каждый раз отказывался под разными предлогами. Однажды даже совсем ушел из органов и занялся частным сыском. Но потом снова вернулся, категорически отказываясь руководить отделами, управлениями и... другими важными подразделениями.

Понимаете, объяснял он своим старым друзьям Орлову и Крячко, я – сыщик, и я не хочу заниматься ничем другим. А став начальником, перестану быть сыщиком. Стану администратором, чиновником, хозяйственником, погрязну в бумагах, которые к оперативному розыску имеют весьма отдаленное отношение. Не мое это! И я не хочу отвечать за работу большого количества людей, мне интереснее работать самому и отвечать за свою работу.

Планерка в Главке уголовного розыска МВД шла своим чередом. Отчеты, планы работы, личные и отделов. Отчеты по делам, находящимся на контроле в Главке. Планы командировок, методические вопросы, подготовка к коллегии министерства, сводка за последние сутки по особо тяжким по крупным городам и регионам, отдельно по Москве. В Екатеринбурге участились преступления, в которые вовлечена «золотая молодежь». Пьяные, обкуренные, а иногда и обколотые дети «больших родителей» носятся по улицам на дорогих машинах, и снова ДТП, сбитые пешеходы. В Забайкалье ограбление инкассаторов. В Москве найдено тело известного бизнесмена Курвихина со следами насильственной смерти. Предварительная версия – ограбление...

– Где? – перебил генерала Лев. – На Кутузовском?

– Да, – ответил Орлов и очень внимательно посмотрел на него: – А что, собственно...

– Вчера вечером мы как раз проезжали мимо и видели там группу из ГУВД. А личность-то известная.

– Точно, – вставил Крячко. – Я помню пару скандалов за последние года три, когда фамилия Курвихина мусолилась в связи с подкупом столичных чиновников. Только, кажется, ничего не доказали.

– Дела проходили по линии Следственного управления и прокуратуры, – ответил Орлов. – А еще вы забыли о скандале с распилом федеральных денег, выделенных по программе строительства мусороперерабатывающих заводов вокруг Москвы. Но Курвихин опять

каким-то образом увернулся. Молодцы, ребята, что вспомнили прошлые дела этого деятеля. Думаю, что это преступление потянет за собой много интересных ниточек.

– Берем на контроль? – спросил Гуров.

– Я полагаю, что лучше непосредственно поработать вместе с оперативниками МУРа, – предложил Орлов. – Займитесь вы с Крячко.

– Хорошо, будем представителями Главка, – согласился Лев. – Кураторами.

Крячко с оперативниками МУРа Гуров отправил на место преступления, чтобы они еще раз обследовали часть сквера, где было найдено тело Курвихина, а заодно попытались найти свидетелей. Ведь бывают же люди, которые любят вечерами пробежаться по пустынным аллеям или выгуливают там свою собаку. А могут быть и те, кто в это время суток изо дня в день проходит именно этой дорогой домой, или на работу, или по другим делам. Кропотливое, трудоемкое и неблагодарное занятие. Неблагодарное потому, что часто не дает результата. Но делать эту работу надо, потому что один найденный свидетель может повернуть розыск совершенно в ином направлении. Очень легок соблазн махнуть рукой, полагая, что и так все ясно, что все равно никого и ничего не найдешь. И тут старый друг и неизменный напарник Станислав Крячко просто незаменим. Он умеет делать эту работу, умеет ее грамотно организовать и, главное, не дать оперативникам расслабиться.

– Здесь? – указал Гуров на несколько выстроенных в ряд элитных домов.

– Здесь. Вон в том доме, – кивнул майор Шалов, старший оперуполномоченный МУРа, который занимался делом Курвихина.

– Как они вели себя утром при опознании?

– Хорошо держались. Дочь, чувствуется, деваха с характером. Губы скривит, вся, как камень, а глаза сухие.

– Реакция на стресс бывает без слез даже у плаксивых людей, – возразил Гуров.

– Согласен, – кивнул Шалов, сворачивая к нужному дому. – А вот супруга меня поразила. Сами посмотрите на нее. Понимаете, Лев Иванович, я все время никак не мог избавиться от ощущения, что она смотрит на тело мужа, как на закономерный результат чего-то. Такие у нее усталые глаза, такое смирение с произошедшим, будто она все время чего-то подобного и ждала.

Гуров, прежде чем встречаться с близкими погибшего Курвихина, первым делом ознакомился с протоколами опознания тела родственниками и протоколами допроса следователем. Но такова работа сыщика: все нужно увидеть своими глазами, услышать своими ушами, составить свое собственное впечатление, даже если ты и работаешь по этому делу по заданию следователя. Он главный, он ведет расследование, а оперуполномоченный помогает ему при следственных мероприятиях, используя свои оперативные возможности и инструменты. Гуров был свободен от заданий следователя, что давало ему большие возможности работать самостоятельно, на свое усмотрение.

Шалов протянул руку к звонку возле входной двери, но, увидев, что она приоткрыта, толкнул ее, и они с Гуровым оказались в большой и очень уютной прихожей с полами из темного ламината и несколькими массивными настенными светильниками. Светильники были выполнены в стиле примерно XVIII века и выглядели почти бронзовыми.

– Здравствуйте! – Шалов прошел к арке, ведущей в гостиную, где появилась высокая женщина, зябка кутавшаяся в большую шаль. – Это я звонил вам снизу. А это – полковник Гуров, Лев Иванович. Алла Васильевна, мы хотели с вами поговорить.

– Я понимаю, – бесцветным голосом ответила женщина и посторонилась, приглашая гостей войти.

Жена Курвихина смотрела на полицейских, но, кажется, не видела их. Тем не менее Гуров решил пока не приглядываться к ней пристально, чтобы не напугать, не насторожить или

вселить в нее неподходящие мысли. Он по опыту знал, что женщины в таком вот состоянии очень мнительны. И одно неосторожное слово или взгляд могут лишить тебя ее доверия, а то и просто настроить враждебно. Неадекватность поведения и психологии женщины в минуты горя можно сравнить лишь с неадекватностью беременной. И там, и здесь организм и психика находятся в состоянии жесточайшего стресса.

Гостиная была большая. Слева дверь, ведущая в кухню, большой плоский аквариум, потом еще одна дверь, наверное, в спальню. Справа пол поднимался пандусом и уходил к окнам во всю стену, за которыми виднелась огромная лоджия. Темная отделка стен и бесшовный натяжной потолок создавали какое-то давящее ощущение. Или это просто казалось так из-за Курвихиной?

– Проходите. – Женщина показала рукой на большой диван, стоявший у окна, медленно подошла и уселась в кресло напротив.

А ведь она еще молодая, подумал Гуров, лет сорок, наверное. Ноги красивые, фигурка приличная, не располневшая в талии. Шея точеная, и волосы совсем... впрочем, волосы можно и покрасить. А вот лицо у Аллы Васильевны старое. Серое, скорбные морщины вдоль рта и у глаз и взгляд потухший. Вот она повернула голову к окну и уставилась на крыши соседних домов. О чем думает? Если включить воображение, то, скорее всего, о полете. Разбежалась бы и полетела... Да, тут и до суицида недалеко.

– Алла Васильевна, – кашлянув, чтобы привлечь к себе внимание, заговорил Лев, – мы с майором Шаловым будем заниматься делом о гибели вашего мужа. Скажите, он в тот вечер говорил, куда собирается ехать?

– Нас уже спрашивали... Сказал, что ненадолго по делу.

– Он что-то захватил из дома? У него было что-то в руках?

– Ключи от машины... Н-нет, больше ничего не было.

– А часто ваш муж вот так поздним вечером куда-то уезжал из дома?

Курвихина напряглась, стиснула пальцами подол халата, но выражение лица не изменилось. Только голос чуть дрогнул, когда она наконец ответила после небольшой паузы:

– Иногда. Чаше он приезжал домой очень поздно, и я не знаю...

– Алла Васильевна, а вы не догадываетесь, что это за дело, из-за которого ему пришлось уехать, и с кем он собирался встречаться?..

– На что это вы намекаете? – вдруг выпалила Курвихина, и из ее глаз хлынули слезы. Дрожащими руками она принялась запахивать халат на коленях, как будто рядом было что-то брезгливо-неопрятное. – Я не знаю... Не знаю!

Ну, ясно, с жалостью глядя на женщину, подумал Гуров. Она бы раньше расплакалась или все время вела бы себя ровно, будь все просто в их семье. А тут явно далеко не просто. Он ведь ей изменял, и она об этом знала или догадывалась. Женщину обмануть сложно, особенно если она сидит целыми днями дома одна.

Хлопнула входная дверь, в прихожей громко застучали по полу каблучки, и в гостиной появилась девушка лет двадцати пяти или чуть старше. Гуров сразу отметил, что в ее одежде слишком много подростковых элементов или, по крайней мере, такого, что носят девушки в шестнадцать-восемнадцать лет. И эти волосенки торчком, и пирсинг в ноздре, глаза накрашены слишком сильно, как-то нарочито. А ведь и фигурка, и черты лица, все в ней было симпатично и без этих нелепых ухищрений.

А ведь это какая-то инфантильная форма протеста, или же она просто отстаёт в развитии, засиделась в подростковом возрасте по причине недостатка в семье и возможности ничем не заниматься, кроме получения удовольствий. С такой категорией молодежи Гуров был хорошо знаком по специфике своей работы.

– Эй, что здесь? – решительно подойдя к Курвихиной, спросила девушка. – Вы кто такие? Опять следователи?

– Мы из уголовного розыска, – ответил Гуров. – А вы, видимо, дочь...

– Нет, я сын! – язвительно выпалила она. – А то по мне не видно!

– Видно, – вмешался Шалов. – Видно, что вы агрессивно настроены и пытаетесь грубить. А мы, между прочим, занимаемся розыском преступников, которые...

Гуров незаметно толкнул майора рукой в бок, но было поздно. Девушка разошлась, почувствовав давление и нравоучительный тон. Точно, инфантильность!

– А вы их здесь ищите? – выпустила все шипы девушка. – В нашем доме, да? Или вам надо по улицам бегать?

– Полина! – Гуров вспомнил имя дочери Курвихина, фигурировавшей в списке членов семьи. – Беготней по улицам делу не поможешь. Розыск ведется совсем не так, как вам в кино показывают...

Говорить Лев старался спокойным тоном, даже немного меланхолично. Он по опыту знал, что только упорное спокойствие часто нормализует обстановку во время острых бесед. Правда, есть такие категории людей, которые воспринимают спокойствие собеседника как его слабость и от этого только активнее кидаются в перепалки и оскорбления. Что-то ему подсказывало, что Полина была внутри не совсем такой, как старалась выглядеть.

– Делу поможет только информация, Полина, – продолжал Гуров, – а мы ведь о вашей семье и о вашем отце ничего не знаем. Вот и приходится сначала собрать информацию о вас, а потом о тех людях, которые вас окружают, с кем вы общаетесь, с кем работал ваш отец. Мы должны понять, кто и почему его убил. Почему это вообще произошло именно в том месте и в то время. А причин, если подумать, может быть очень много. Увы, не беготней раскрываются преступления, а головой. Мы вот с майором были бы только рады, если дело раскрыть можно было только ногами. Занимайся по утрам физкультурой, вот и вся профессиональная подготовка.

Было видно, что злость в глазах Полины сменилась какой-то досадой. Скорее всего, досадой на себя. Потом она устало прижалась щекой к голове матери, стараясь прекратить ее рыдания. Теперь лучше Аллу Васильевну оставить в покое и поговорить с дочерью. Такие беседы с близкими родственниками сразу после трагедии обычно мало что дают, да и для них это дополнительный стресс. Обычно, но иногда это возможность раскрыть преступление «по горячим следам». И хочешь не хочешь, сыщик, а ты обязан эту возможность использовать, даже если тебе этих людей жалко и ты не хочешь доставлять им дополнительной боли.

– Полина, – поднявшись с дивана и подходя к окну, спросил Гуров, – а вы знаете что-нибудь о том, куда и зачем ваш отец поехал вчера в такое время?

– Нет, – уже спокойно ответила девушка. – Дела какие-нибудь. У них круглые сутки работа. Кто помоложе, те хоть иногда пытаются отдыхать, а как за сорок перевалило, то все... Трудоголики!

Полина отвела мать в спальню, откуда пахло корвалолом, потом вернулась, порылась в сумочке в поисках сигарет, и они вышли на большую лоджию, где она рассказала о бизнесе своего отца. Оказывается, Курвихин был владельцем одного из женских глянцевого журналов, который Гуров хорошо знал. Был у него еще новостной интернет-портал. Серьезно он работал и в области рекламного бизнеса.

Пришлось прямо спрашивать и о том, а были ли у Курвихина увлечения на стороне, имел ли он любовницу? Ведь очень часто в преступлениях такого рода действует простой и древний принцип: *cherchez la femme*. Интересно, думал Гуров, многие люди даже не догадываются, откуда взялось это выражение. Как-то он специально спрашивал в артистических кругах, и ему отвечали с уверенностью, приписывая его древним драматургам, философам, писателям. А ведь оно возникло на рубеже XVIII и XIX веков, дословно переводится как «ищите женщину» и принадлежит простому французскому офицеру полиции Габриэлю де Санте. Это была своего рода методическая помощь в следственном деле, совет опытного следователя. Де Санте уверял,

что во всех сложных случаях в основе преступления сопутствующим обстоятельством служит именно женщина, особенно если мужчина ведет себя необычно или мотивация его поступков неясна. Иными словами, преступление совершено или из-за женщины, или ради женщины, или для женщины.

Гурову и в самом деле первым делом пришла в голову мысль, что Курвихин под видом важного дела поехал к любовнице. И вот результат! Труп в сквере рядом с проезжей частью, машины нет... А вот насчет ограбления не все ясно, потому что бумажник оказался на месте, банковская карточка тоже. И никто не знает, сколько у Курвихина было с собой наличных. Об этом следователь всех расспрашивал очень подробно.

– Ну, – остановился Лев возле машины, когда они с Шаловым спустились на улицу, – что ты по этому поводу думаешь?

– Пока ничего, – пожал плечами майор. – Жена – домохозяйка, которая отвыкла работать, а дни напролет проводит в салонах красоты, модных бутиках и «девичниках». Дочка пошла еще дальше. Думаю, что Полина не вылезает из ночных клубов. Алкоголь, сигареты, возможно, что и наркотики или травка. Может, на начальном этапе, поэтому и не видно характерных признаков.

– Вот так просто? – задумчиво спросил Гуров.

– Думаю, что так. Курвихин весь в работе, в бизнесе, а семья сама по себе. И дело тут всего лишь в элементарном ограблении.

– Нет, Глеб Сергеевич, давай будем объективными. Угнанный автомобиль и тело его хозяина с признаками насильственной смерти... Кстати, как его убили?

– Два ножевых. Одно в область печени, второе – в область сердца.

– Умело, заметь, не тыкали, куда попало. Оба удара смертельны. И картина явная: сначала ударили в бок, а потом, когда он согнулся, снова, но уже наверняка – в грудь. Хладнокровно и расчетливо. Так вот, вернемся к версиям, Глеб Сергеевич, и согласись, что угнать машину и тем самым имитировать нападение с целью завладения машиной – самый простой способ попытаться замести следы. Тут может быть несколько версий случившегося. Первое – убийство, связанное с конкуренцией или иными трениями в области коммерческой. Второе – попытка предотвратить вхождение Курвихина во власть. Мы пока не проверяли, но все они рано или поздно пытаются туда попасть, с тем чтобы лоббировать свои коммерческие интересы. И даже не свои, а своей группировки единомышленников.

– Третье, – продолжил с улыбкой Шалов, – причастность к криминалу и убийство на этой почве. Тоже придется порыться в его связях. Не исключено же?

– Не исключено, – согласился Гуров. – Еще?

– Обычная «бытовуха», – пожал плечами майор. – Огромная доля преступлений совершается именно на этой почве. Ревность жены, обида за измену или нежелание отдавать любовнице, метящей в новые жены, своего имущества. Могла быть и месть любовницы за то, что бросил, ушел к другой, да, черт возьми, за то, что квартиру не купил!

– Не говоря уже о муже любовницы, который отомстил за свои рога, – кивнул Гуров. – Ну, твои действия?

– Составлять планы работы по всем версиям, – устало улыбнулся майор.

Гуров выразительно развел руками, как будто говоря – вот ты и сам все понимаешь. Он уселся на пассажирское сиденье и вдруг почему-то подумал, что давно не звонил телефон, за час ни одного звонка, да еще в начале такого сложного дела. Обычно телефон раскаляется докрасна к концу первых суток расследования. Гуров нащупал на поясе чехол, вытащил аппарат. Так и есть – разрядился и выключился.

– Глеб Сергеевич, у тебя тут в машине зарядника случайно нет?

– А у вас какой аппарат? А, новый! Возьмите в бардачке. У меня с универсальным разъемом.

Станислав Васильевич Крячко посмотрел, как молодые оперативники с готовностью покинули его машину, и неторопливо выбрался сам. Гуров рассказал про этих Малкина и Борисова много хорошего. Быстры, находчивы, четкое оперативное мышление. Саша Малкин здоров как бык, а Вадик Борисов прирожденный актер и... говорят, бабник. Хотя Гуров его, кстати, так и не понял, только однажды проворчал, что ему в театре играть, но при этом как-то странно улыбнулся.

Сейчас ребятам предстояло заниматься совсем другим делом. Делом, которое обычно не любят молодые опера – монотонное, скучное занятие, на протяжении всего времени обязывающее поддерживать максимальное внимание, концентрацию. Даже поквартирный обход в районе совершения преступления делать не так скучно, хотя и не менее утомительно. Там при опросе каждого нового человека ждешь интересной и важной информации, да и сам процесс уже заставляет концентрировать внимание. А осмотр места преступления притупляет его, потому что ищешь, сам не зная чего. Что-то такое, что может иметь отношение к данному преступлению.

– Ну, вот, орлы, – нажав кнопку на брелоке, торжественно провозгласил Крячко, дождавшись, пока сигнализация подаст квакающий сигнал. – Отсюда – или со щитом, или на щите, как говорится.

– Я бы предпочел на машине, – пошутил Борисов и тут же сделал виноватое лицо.

– Острякам слово не давали, – добродушно отозвался Крячко. – Ты, Вадик, берешь участок от дороги до линии кустов, это твоя полоса. Моя полоса – от кустов до пешеходной дорожки. Ты, Саша, осматриваешь все от дорожки и метров на десять дальше. Все понятно?

– А кусты чьи? – тут же спросил Борисов. – Сашку-бугая вообще проблематично тащить.

– В смысле? – удивленно посмотрел на Вадика Крячко.

– Чьи, чьи... Кусты собачкины, – пробасил Малкин и, двинувшись к своему участку осмотра, бросил через плечо: – Поосторожнее там, Вадик. Кусты любят собачки.

– Кусты наши с тобой, – ответил Крячко. – Может, начнем работать? Или будем стоять и шутить?

– Извините, Станислав Васильевич! – понурился Борисов с мастерским артистизмом. – Я просто хотел всем поднять настроение.

Молча смерив оперативника взглядом, Крячко повернулся и двинулся к своему участку. Им предстояло еще раз осмотреть весь район места преступления. Тут убили бизнесмена Курвихина. Как он попал сюда, был на своей машине или приехал на такси или на метро. Машину сразу же передали в ориентировку ГИБДД. Там объявили план-«перехват», но что даст этот план, если его ввели через несколько часов после смерти хозяина? Смерть, по мнению экспертов, наступила в период около одиннадцати вечера, а случайные прохожие нашли тело в половине первого ночи.

Хорошие ребята, понаблюдав за оперативниками, подумал Крячко. Мы с Гуровым такими же были в их годы. И шутить пытались, и за девушками ухлестывали. Хотя это я ухлестывал. Для нас с ним наша работа – все, а для них же пока просто любимая работа. А всем она станет позже, когда встет в кожу, в кости, в мышление. Ишь, работают! Внимательно, не спешат... Ладно, займемся...

Крячко не пошел сразу «змейкой», как делают, когда осматривают более или менее значительный участок территории. На нем были три лавки вдоль аллеи, ряд кустарника и большой травянистый участок между ними. Если ходить от лавок к кустам «змейкой», можно ошибиться с точкой, от которой начал обход.

Пришлось идти сначала вдоль кустарника. Медленно шагая и вглядываясь в траву, Крячко прикидывал, как все могло быть. На той стороне в траве нашли несколько капель крови. Здесь, где лежало тело Курвихина, тоже была кровь, и форма пятна вполне соответствовала

ситуации – она вытекала из двух ран. Экспертиза подтвердила, что и на той стороне, и здесь кровь одного человека – Курвихина. Значит? Крячко остановился и присел на корточки. Окурочок! Тонкая сигаретка, сгоревшая до фильтра. Вчера ее не заметили? Он поднял окурочок, помял в пальцах – мягкий, свежий. Поднес к носу... бросили совсем недавно. После убийства.

На чем я остановился, напомнил себе Станислав. Ах, да, кровь и там, и по эту сторону. Ударил ножом, в брюшину. Он согнулся от боли, его быстро протащили через кустарник, там есть пара свежесломанных веточек, и ударили еще раз ножом здесь. В сердце. Потом бросили тело и скрылись. И что теперь можно тут найти, учитывая, что осматривали с фонарями «влегкую» ночью, а потом еще раз утром?

Крячко знал, что инициатором этого дополнительного осмотра был Гуров. И он понимал напарника – свое мнение на то и свое, что основывается на собственных впечатлениях и выводах. Обычно в таких местах напрямик не ходят. Но все бывает. И лучше потом отсеять часть улики, как вот этот свежий окурочок, чем пропустить нужный. След каблука на мягкой земле, оторванная пуговица, выпавшая бумажка из кармана, окурочок, отцепившаяся запонка и тому подобное. Понять бы еще, на чем он приехал сюда. Из дома он уехал на машине, значит, она должна была быть здесь, но была ли?

– Вадик! – зычно крикнул Крячко, сидя на корточках у кустов.

Оперативник примчался рысью и с готовностью присел рядом, бегая глазами по земле. Видимо, он решил, что полковник из Главка что-то нашел.

– Вадик, что там у вас известно? Напомни, на какой машине ездил погибший?

– Да, – солидно кивнул опер, – тачка у него была статусная. «БМВ» пятой серии, «Гран Туризмо». Мощная. Комплектация с полным приводом, 450 «лошадок» в движении.

– Дорогая, наверное?

– Она только в базовой комплектации больше трех с половиной миллионов стоит. Ну а у нас в салонах базовую все равно не купить, не выгодно им это. Да и у Курвихина, я думаю, наворотов в ней было много. Кстати, она черного цвета. А что?

– Да так, – поднимаясь на ноги и рассеянно глядя на дорогу, ответил Крячко. – Ясно, что пятен масла у тротуара мы не найдем. Не те времена, чтобы по пятнам находить машину.

– Это вы про времена нэпа сейчас? – не удержался Борисов.

– Очень смешно, – проворчал Стас, – обхохочешься. Иди работай.

Осмотр продолжался. Трое мужчин чуть ли не на четвереньках, квадрат за квадратом, обследовали территорию бульвара. На них смотрели из окон проезжавших машин, на них показывали пальцем дети, косились редкие прохожие. Каждый думал о своем и выдвигал свою версию происходящего. Часто несерьезную, комичную. Но почти всегда очень далекую от истины, потому что обыватель представлял себе работу уголовного розыска по нелепым фильмам, в которых даже близко не водились консультанты из числа профессионалов-оперативников или хотя бы людей, частично знакомых со спецификой этой службы.

Звонок прозвенел неожиданно. Крячко вытер кончик носа тыльной стороной ладони и полез в карман за мобильником. Он не любил, когда прерывают такую вот кропотливую работу, но за долгие годы службы уже привык к тому, что неожиданные звонки, как правило, важны. Тем более звонки полковнику полиции, работавшему в Главном управлении уголовного розыска МВД страны. Номер принадлежал дежурному ГУВД Москвы, и это настораживало.

– Слушаю, Крячко! – привычно отозвался Станислав.

– Товарищ полковник, – звонко отработовал голос в трубке, – помощник оперативного дежурного майор Синицкий. Срочная информация для вас и полковника Гурова. Но Гуров недоступен... разрешите доложить?

– Ну, давай, давай, – недовольно проворчал Крячко.

– Есть сообщение от старшего оперуполномоченного капитана Шишкова. По угонам. Я передам ему трубку?

– Давай, что там у него...

– Здравия желаю, – сменился голос в трубке. – Товарищ полковник, по оперативным данным, по городу сейчас движется автомобиль «Мерседес», седан Е класса, коричневого цвета, госномер – три двойки.

– Ну? – тут же все понял Крячко и призывно поднял руку, делая знаки своим помощникам.

– Хозяин машины об угоне не знает, он сейчас за границей на отдыхе. Я принял решение «вести» машину издалека и осторожно...

– А если упустишь?

– Вряд ли. Я уже знаю, куда ее гонят, но не хочу их спугнуть, в том числе и тех, кто готовит машину к перепродаже.

Крячко Андрея Шишкова знал. Капитан специализировался в МУРе именно на угонщиках и базах по переделке угнанных машин. Парень был несколько флегматичным, но его старательность и рассудительность давали хорошие результаты. А еще Шишкова отличала способность убеждать начальство. Он настолько методично и скрупулезно разрабатывал не только свои операции, но и доклады, что начальство зачастую теряло терпение и давало «добро». Хотя, «добро» Шишков получал еще и потому, что ему привыкли верить.

Сейчас капитан снова был прав в своих рассуждениях. Рисковать и начать операцию-«перехват» опасно, если есть шанс получить точную информацию о месте, где переделывают краденые машины, и о самой преступной группе. Риск упустить одного угонщика и шанс получить в руки целую сеть.

Свою идею Шишков изложил Крячко коротко, но сложность была в том, что оперативную информацию он получил неожиданно, и времени на сбор группы захвата у него не было. Привлекать ОМОН в таких случаях еще более опасно. Ведь место проведения операции стало известно только что, и нет гарантии, что при появлении бойцов ОМОНа большей части бандитов удастся уйти или удастся ликвидировать следы преступления. Тут работать надо тоньше, тут надо играть.

– Слушай меня, – приказал Крячко, загоровшись перспективами выйти и на угонщиков машины Курвихина. Может быть, здесь есть какая-то связь. – У меня сейчас под рукой двое помощников из вашего ведомства. Ребята опытные, крепкие. Это Вадик Борисов и Саша Малкин...

Майор Шалов тронул машину, вывел ее через арку между домами и остановился у пешеходного светофора, ожидая зеленого света. Гуров неторопливо, погруженный в свои мысли, распутал провод зарядного устройства, потом вставил его в «прикуриватель», подсоединил телефон, дождался сообщения, что зарядка идет, и попытался включить его.

– Так вот, Глеб Сергеевич, – начал Гуров, но тут телефон завибрировал и разразился нетерпеливой трелью. – Вот, началось, – усмехнулся Лев.

Майор Шалов покосился на полковника, отмечая, как у того меняется выражение лица. Только что он был задумчив, погружен в себя, даже немного меланхоличен и вдруг весь подбравшись, сжался, как пружина, лицо сделалось сосредоточенным, даже черты как-то заострились.

– Понял, Стас, понял, – торопливо говорил Гуров. – Где это? Давай, мы сейчас с Шаловым тоже подскочим. И никакой там без меня самостоятельности. Переторопят! Хотя капитана Шишкова я знаю. Но все равно, ждать меня!

– Шишков? – переспросил майор. – Это наш? Андрей?

– Да, он сейчас машину одну «ведет». И у него якобы есть данные о месте, где их перделывают и готовят к перепродаже. Разворачивайся, Глеб Сергеевич!

Гуров с неудовольствием понял, что Шалов не знает этого района Москвы. Они проехали Кузьминки и углубились в микрорайон, сплошь застроенный старыми кирпичными пятиэтажками. Сюда программа переселения из ветхого жилья, видимо, еще не добралась. Лев смотрел на ухоженные дворики, на газончики под окнами и свежеекрашенные цветные лавки у подъездов. Отдавало старыми московскими пригородами, какими они были в шестидесятые. Хотя Кузьминки давно уже не окраина, а местами дух сохранился, дух старой Москвы, дух детства.

– Сейчас направо, – показал он рукой.

Лев следовал указаниям Крячко, которые тот давал по телефону. Сам Станислав уже подъезжал к месту с двумя молодыми оперативниками. Где-то там были частные гаражи, а среди них и несколько боксов, в которых, по сведениям капитана Шишкова, отсиживались угнанные машины, готовые к перепродаже. Это был реальный шанс взять с поличным группой московских угонщиков. А значит, был шанс выйти через них на заказчиков, а может, и на других угонщиков, тех, кто угнал машину Курвихина. Или убедиться, что убийство совершено не из-за машины. Использовать надо все подвораживающиеся шансы.

– Вон до того магазина, – снова показал рукой Лев, – а потом направо. И за магазином остановитесь.

Шалов сбавил скорость и плавно притормозил у обочины за указанным магазином. Рядом топтался и с задумчивым видом рассматривал проходивших мимо девушек старший лейтенант Вадик Борисов, однако успевал следить и за дорогой. Как только машина Шалова остановилась, а Гуров открыл дверь, Борисов двинулся к нему.

– Здравия желаю, – поздоровался он с Гуровым, потом наклонился и кивнул майору. – Станислав Васильевич с Сашкой пошли осматривать местность, а я вас жду.

– Где Шишков?

– Не видел. С ним Крячко разговаривал по телефону. Думаю, что Шишков где-то уже там. – Оперативник кивнул в сторону детского сада за высоким ажурным забором. – Он передал, что машина, которую он «вел», где-то тут на территории. Они сейчас пытаются определить, в какой бокс ее могли загнать.

В машине зазвонил мобильник, и Гуров наклонился, выдергивая из аппарата зарядное устройство. Звонил Крячко.

– Лев Иванович, мы внутри, – тихо проговорил он. – Ты на месте?

– Да, я с Шаловым. Здесь Вадик Борисов.

– Отлично... – В воздухе повисла небольшая пауза. – Мы засекли бокс. «Мерседес» с номером «222» подогнали к воротам бокса 183. Один угонщик вошел внутрь, второй курит у машины.

– Сколько выездов из кооператива? – спросил Гуров.

– Три, надо полагать. Один тот, где вас встретил Борисов, второй, сквозной, почти напротив, на другой стороне территории кооператива. А третий – в глубине справа, но там ворота из прутка, и он заперт. Думаю, это хозяйственный въезд.

– Я оставлю Шалова с машиной у этого выезда, – предложил Гуров. – Вы можете блокировать свое направление?

– Запросто, – хмыкнул Крячко. – И еще, Лев. У нас тут подозрение родилось. Боксы в середине имеют общую стену. Нет ли там внутри сквозного прохода в следующий бокс? Отправлю-ка я туда Сашу Малкина.

– Хорошо. Я иду к вам с Борисовым. Как только поравняемся с боксом, вы начинаете. Мы – следом.

Гуров шел между гаражами, старательно делая вид, что он зол и раздражен. Вадик Борисов мастерски подыгрывал ему. Это была старая схема, почти классика теории неожиданного захвата. Преступники всегда внимательны, когда совершают преступление или когда уже совершили и пытаются скрыть следы или скрыться сами. Тот парень возле угнанной машины, что стоял и курил, явно настороже. Он один на улице, он подозрителен. Что он подумает, увидев незнакомых людей, подбирающихся к боксу?

Чисто психологически подозрительным кажется человек, который спокоен или который идет медленно, крутя головой по сторонам. Почему? Да все просто. Преступник и сам бы так себя вел, поэтому невольно проецирует свое понимание образа, свое возможное поведение.

На этом оперативники и построили свой хитрый ход. Гуров и старший лейтенант Борисов, наоборот, всячески привлекали к себе внимание, заставляли смотреть на себя, вели себя, с точки зрения осторожных преступников, нелепо. Им и в голову не придет, что эти двое – оперативники. Вон, молодой забегает то справа, то слева и что-то канючит у старшего, оправдывается. А тот, что постарше, только машет рукой и чуть ли не на всю улицу обзывает молодого придурком, олухом, бездарем. Что-то он там испортил, куда-то полез, куда ему лезть не велели. Короче, накосячил!

Парень у машины докуривал сигарету и с интересом смотрел на разыгрываемый перед ним спектакль. Судя по его лицу, он даже пытался понять, а за что старший так взъелся на молодого, и настолько отвлекся от наблюдения за окружающим его пространством, что не заметил, как, низко приседая на корточках, вдоль ворот соседних боксов пробирается старший лейтенант Малкин. Но долго это продолжаться не могло, потому что преступник мог опомниться и в любой момент оглянуться.

Гуров прибавил шагу и, поравнявшись с «Мерседесом», громко сказал условное «давай». Малкина от спины угонщика отделяла всего пара метров. При всей своей массивности Сашка мог преодолеть это расстояние чуть ли не одним прыжком. Преступник заподозрил неладное в самый последний момент. Наверное, увидел торжествующий злорадный блеск в глазах Вадика Борисова, выражение лица которого вдруг изменилось с угрюмо-просящего на сосредоточенное и немного веселое.

Угонщик выронил сигарету и машинально отпрянул назад, когда Вадик кинулся к нему, но тут же попал в стальные объятия Сашки Малкина. Вадик отбил вылетевшую в его сторону ногу, выхватил из кармана рулон скотча и мгновенно залепил преступнику рот. Они вдвоем завернули парню руки за спину, сковав их наручниками, и молниеносно обшарили карманы, ощупали руки под курткой и ноги под штанинами. Оружия не было.

Крячко с пистолетом на изготовку уже стоял рядом. Он взял задержанного за нижнюю челюсть, повернул его голову к себе и, недобро сверкнув глазами, спросил:

– Сколько человек внутри?

Парень только прищурил глаза и промычал что-то нечленораздельное. Сквозь скотч слышались лишь обрывки слов, из которых можно было предположить, что слова из непечатного лексикона.

– Напрасно, – усмехнулся Крячко. – Было бы лучше начать сотрудничать. Каждое твое мычание наматывает тебе срок. И не надо нас злить. Мы и так сегодня не очень добрые. Ну, будешь говорить?

– Бесполезно, Станислав, – покачал головой Гуров. – Оставь тут с ним Вадика, и пошли внутрь.

– Лев Иванович, – горячо зашептал Борисов. – Да мы там всех слепим, как родных, чего вам туда идти? Мы молодые, крепкие, нам не впервой. Полковники на задержание не ходят.

– Ну, разговорился, – поморщился Лев. – Про полковников он знает... Я, между прочим...

– Правда, Лев Иванович, оставайся, а мы туда. Ты начальник, твое дело руководить, – неожиданно принял сторону молодых оперативников Стас.

– Время теряем! – еще больше нахмурился Гуров.

– Ну, мы пошли, Лев Иванович, – улыбнулся Крячко обезоруживающей улыбкой.

– Ладно, аккуратнее там, – кивнул Лев.

Он был недоволен, что его так опекают, тем более старый друг и давний напарник Крячко. Станислав тоже не молод, и его физическая форма не лучше, чем у Гурова. Но затевать споры при молодых оперативниках не хотелось. Отругать Стаса потом? Гуров в очередной раз подумал, что делать этого не станет. Сколько уже было таких или примерно таких ситуаций, когда Крячко откровенно оберегал старого друга.

Дверь в воротах бокса открылась и плавно закрылась за оперативниками, так что Льву оставалось смириться с ролью начальника. Стас справится там, не в таких переделках бывал. Гуров взял торчавшего столбом рядом с ним задержанного угонщика за шею и одним движением согнул его пополам, заталкивая на заднее сиденье «Мерседеса».

– Сиди смирно, – напутствовал он парня. – Учти, что ты нам не очень нужен. Решишь бежать, буду стрелять.

Сейчас должны были подъехать бойцы ОМОНа для завершения операции. Эту часть гаражного кооператива придется оцепить, нужно провести доскональный обыск всех помещений, да и задержанных придется транспортировать в управление. И тут внутри бокса отчетливо прогремел выстрел. Потом, почти сразу, еще два...

Когда Крячко, пропустив молодых оперативников, вошел в бокс, то сразу понял, что дело тут поставлено хорошо. Надежно! Большой бокс, на две машины, с высокими воротами внутри был заставлен стеллажами с различным железным хламом, банками и канистрами, и в середине помещения красовались две «Лады» весьма унылого вида. Обычная мастерская, не оформленная в налоговой инспекции. За капотом одной из машин склонилась спина в грязной спецовке.

Но опытный взгляд сыщика сразу отметил несколько деталей, которые подсказали, что мастерская с двумя проржавевшими и заезженными «Ладами» – это лишь камуфляж. Во-первых, на стене висел стабилизатор напряжения РЕСАНТА, рассчитанный как минимум на 10 киловатт. Многовато для обычной мастерской. Ну, «болгарка», ну, сварочный аппарат, может, аппарат точечной сварки решили поставить дополнительно, хотя обычно в таких мастерских обходятся прекрасно полуавтоматом. Вывод один – одновременно работает несколько энергоемких инструментов. А бокс на две машины. Странно.

Второе, на что Крячко сразу обратил внимание, это стеллажи у задней стены бокса. Только эти стеллажи из множества установленных вдоль всех стен имели колесики. И завалены эти стеллажи были всяким хламом, но... легким хламом! Какие-то обрезки тонкой гнутой жести, пустые грязные пластиковые канистры, комки грязной ветоши и... пустое пространство, совсем небольшое, всего сантиметров тридцать. Но зачем оно? Почему стеллажи не установить вплотную друг к другу? И непонятно, зачем там стоит пластиковая панель. Такими панелями стены обивают. Зачем она между стеллажами, да еще такая грязная, захватанная грязными масляными руками?

– Вы... че? – Сбоку от поднятого капота показалось настороженное лицо. – Вы кто?

– Ты не узнал, что ли? – расплылся Крячко в широкой улыбке, неторопливо продвигаясь между двумя машинами.

Механик закрутил головой, видя, что двое неизвестных парней обходят его с двух сторон. Крячко улыбнулся еще доверительнее и подмигнул для большего эффекта.

– Ты че, мы же пару недель назад тут были. Забыл? И про железо кое-какое для меня договаривались. Кто мне обещал задние стойки для «мерина» 2005 года? И капот грунтованный?

Крячко понял, что его помощники только все испортили. Надо было или кидаться всем сразу вперед, или ему одному идти на контакт, а Борисову и Малкину торчать у входа. Понадеялся я на их опыт, с досадой подумал Стас. Эх, времени не было на подготовку.

Механик неожиданно одним прыжком отскочил от машины в угол. Крячко на миг потерял его из поля зрения за поднятым капотом. Самым опасным бывает вот так очертя голову кидаться вперед, не видя противника, не понимая его замыслов. Так и нарываются на пули, а то и гранаты. Перепуганный преступник порой очень опасен. Он начинает крушить все вокруг, нисколько не задумываясь о последствиях. Гибнут прохожие, взрываются здания, машины. Благо здесь закрытое помещение...

В воздухе что-то мелькнуло, и слева от Крячко метнулось большое тело Саши Малкина. Вадик Борисов с пистолетом в руке появился справа у стеллажей, и Крячко тоже бросился вперед. Все осмысление ситуации произошло за доли секунды. Сашка Малкин понял, что остановить механика они не успевают, что тот бросился в угол бокса с неизвестными намерениями, и принял самое простое решение в данной ситуации. Простое, но выполнить задуманное мог лишь он, и только он.

Пролетевшее мимо Крячко было пятилитровой канистрой с отработанным моторным маслом. Она чудом не попала механику в голову, но, ударившись ему в плечо, швырнула молодого крепкого мужчину на стеллажи. От удара задрожала стена, и сверху на поверженное тело посыпался всякий хлам. Механик попытался встать, но из лопнувшей канистры ему под ноги вылилось масло, и он заскользил, как новичок на коньках.

Именно в этот момент, почти совпавший с ударом тела механика в стеллажи, стена вдруг стала двигаться, приоткрывая проход. Вот для чего нужны колесики, догадался Крячко. И не надо стеллажи отодвигать, они двигаются вместе... И тут ударил выстрел! Как раз оттуда, из приоткрывшегося проема. Крячко был готов к подобного рода неожиданностям и сразу присел за крылом ближайшей «Лады». Он больше опасался не за себя, а за Вадика Борисова, который был единственным из оперативников открытым.

Но Вадик не подвел. Отпрыгивая назад, он, не глядя, выпустил из пистолета две пули в проем и заорал что было силы:

– Две гранаты! Быстро! Всем в укрытие! Живыми не брать...

Сашка Малкин подобрал с пола ржавый рычаг со ШРУСом и швырнул его в проем. Вместе с грохотом железа, попавшего в какое-то ведро, и воплем поскользнувшегося и падающего лицом в разлитое масло человека кто-то закричал на очень высоких нотах с кавказским акцентом:

– Не стреляйте, не стреляйте! Сдаемся!

– Никому не шевелиться! – подал начальственный голос Крячко. – Одно резкое движение, и я отдаю приказ стрелять на поражение. Там, за стеной, сколько вас?

– Трое нас, трое, – ответил все тот же голос с акцентом.

– Выходить по одному, – приказал Крячко. – В проеме вставать, оружие кидать вправо, потом с поднятыми руками медленно идти к воротам. И выполнять приказы. Ясно? Первый пошел!

В проеме завозились, кто-то стал тихо переругиваться. Потом там что-то уронили, и чей-то новый голос обозвал кого-то дебиллом. Первым вышел мужчина лет сорока, с явными признаками принадлежности к кавказским народам. Он был одет в клубный пиджак, облитый спереди грязным маслом. Как, собственно, и нижняя часть его лица, и колени.

– Я тут никто, – торопливо заговорил кавказец, выходя на открытое пространство и брезгливо осматривая себя. – Я случайно зашел! Зачем все это? Зачем стрелять, зачем кричать?

– Молча! – рявкнул Крячко, прислушиваясь к звукам снаружи. – Молча отошел к стене! На пол! Лицом вниз!

Кавказец что-то продолжал ворчать, но на людей с оружием поглядывал с опаской. А может, он больше боялся тех, кто оставался за стеной и кого Крячко сейчас не видел? Вадик Борисов аккуратно взял кавказца за плечо и уложил у стены на пол. Сам он остался сидеть рядом на корточках, держа на мушке проем в стене.

– Эй, вы там! – крикнул Стас. – Второй пошел!

То, что он услышал, ему не понравилось. Показалось, что за стеной мужской голос сказал короткую фразу, похожую на «всего трое». Сыщик поднял руку, но Сашка Малкин все понял или тоже расслышал сказанное преступниками. Его крупная фигура неслышно сместилась ближе к стене, потом он, присев на корточки, прошел мимо смирно лежавшего механика, сделав ему попутно угрожающий жест.

– Не дурите там! – заорал что есть силы Крячко. – Одно резкое движение, и мы в три ствола из вас решето сделаем. Срок отсидеть можно, а жизнь не вернешь!

За стеной затихли, потом второй голос ясно произнес «на хрен... пошли». Первым вышел высокий смуглый парень, держа в стороне от себя двумя пальцами пистолет. Демонстративно опустив руку, он бросил оружие и забегал глазами по гаражу. Лицо у этого человека было недобрым, очень недобрым. Десятки лет, посвященных уголовному сыску, научили Станислава видеть человека глубже других. Этот тип мог убить. Наверняка на нем висят трупы. Этот церемониться не будет. И палец Крячко плотнее лег на спусковой крючок...

Гуров с облегчением слушал звук приближающихся автомобильных моторов, коротко крякнувшего у въезда на территорию звукового сигнала. ОМОН прибыл. Он продолжал стоять у ворот бокса, держа перед собой пистолет двумя руками. Он слышал голоса, слышал уверенные интонации Станислава. Все нормально, Стас не подведет. А ведь афера все это была! По шапке вам надавать, полковники! Как мальчишки ринулись на неподготовленный захват. Орлов узнает – наслушаются они от него много чего не очень лестного в свой адрес.

Глава 2

Генерал Орлов расхаживал по кабинету, морщась и прихлебывая из стакана воду. Гуров и Крячко сидели у приставного столика и переглядывались. Петр Николаевич Орлов хоть и был для них старым другом, но он был и начальником, а годы службы с погонями на плечах приучают в некоторых ситуациях проводить грань между личным и служебным. И сейчас начальник был не в духе, начальник всем своим видом выражал недовольство. Начальство гневало, но пока тихо.

– Изжога, – толкнув Гурова локтем в бок, сочувственно прошептал Крячко. – Плохи наши дела.

– Я все слышу, – буркнул Орлов, возвращаясь к столу и ставя на него с недовольным стуком стакан.

– Я к тому, Петр, – с самым невинным видом сказал Стас, – что в наше время создано много вполне безопасных и очень эффективных средств от изжоги. А ты все по старинке водой пользуешься. Вот возьмем, например, Алмагель. Прекрасное средство от изжоги. Или Гастал, Маалокс, Гастрацид. Сам часто пользуюсь. А вот Ренни...

– Так, – выразительно посмотрел на него генерал, – ты мне зубы тут не заговаривай, знаток-провизор. Ты зачем с парнями в гараж полез? Почему ОМОН не дождался?

– Послушай, Петр, – смущенно проворчал Гуров. – В конце концов, я старший, это моя провинность. Да и риска особого не было.

– Ох, ребята, – устало махнул рукой Орлов. – Ну, что вы, в самом деле, как дети. Женщин своих не жалеете, так меня, старика, пожалели бы. Друга старого! Мне-то каково будет, если с вами что-то случится, я за вас во всех отношениях отвечаю. Не наигрались еще? До полковников дослужились, а вам все с пистолетиками побегать хочется? «Стой, руки вверх!»

– Ну, ты, – откашлялся Гуров, глядя в крышку стола, – палку-то не перегибай. Какая там опасность... С нами было трое молодых крепких и опытных оперативников. Стрелять бы никто не стал. Это яснее ясного и... и ладно, прости, Петр.

– Ох, устал я с вами, – покачал головой Орлов. – Тебе рапорт показать? Я могу запросить в МУРе. Это рапорт старшего лейтенанта Борисова о расходовании двух боевых патронов во время задержания...

– Да это он для острастки, – тут же вмешался Крячко. – Это фактически были выстрелы в воздух. Предупредительные.

– Ну да... Одна пуля Борисова расплющилась о противоположные ворота бокса, пролетев в проем в стене, вторая застряла в кирпичной кладке правее. Есть еще и третья, которая рикошетом отлетела от стены над головой того же самого Борисова и была найдена экспертами в смотровой яме. Совсем никакой стрельбы и никакой опасности.

– Вообще-то это хорошо, что они первыми выстрелили, – тихо заключил Крячко. – Это рычаг против них на допросе. Вооруженное сопротивление...

Гуров толкнул под столом напарника ногой, и Стас тут же замолчал. Он снял с руки часы и принялся старательно возиться с металлическим браслетом, как будто никакого разговора и не было. Гуров сложил руки в замок, оперся на них подбородком и, с сочувствием глядя на Орлова, тихо произнес:

– Стареешь, Петр. И ты стареешь, и мы стареем. Вот ты уже и брюзжишь на старых друзьях. А ведь это наша работа. Наша работа лазить за преступниками, твоя – волноваться за нас. В нашей работе всегда надо работать прежде всего головой. И ты это знаешь, и мы это знаем. И если уж ситуация была такова, то мы ее со Стасом просчитали сто раз. Я же понимаю, что порой на тебя находит, и ты нам немного завидуешь. Завидуешь, что мы можем иногда вот так, лицом к лицу с преступниками, что мы все еще сыщики. А ты хоть и наш начальник, но

уже администратор. Руководить оперативниками – это уже немного не то, а ты ведь сыщик по натуре, Петр. До мозга костей.

– Мудрый Гуров, – усмехнулся Орлов. – Всегда всем все разъяснит, всегда докажет свою правоту, всегда добьется, чтобы было по его, и всегда знает, что он прав. Ладно, мужики, давайте к делу. Итак, что мы имеем?

– Самое главное, – погасив пробивавшуюся было улыбку, тут же ответил Гуров, – что во втором боксе мы нашли машину Курвихина. Случайность, невероятная случайность, но так бывает.

– Случайность, – многозначительно поднял палец Крячко, – есть закономерный результат долгой и кропотливой работы в данном направлении.

– Ну да, – согласился Гуров. – Надо отметить Андрея Шишкова, чьими стараниями мы так быстро, хотя и случайно вышли на угнанную машину Курвихина. Номера на ней перебиты, документы изготовлены для перегона мастерски. Покупатель сознался, что знал обо всем. И что машина в угоне, и что документы липовые.

– Кто он, этот кавказец? – спросил Орлов.

– Некто Мамедов. Его сейчас пробивают по всем каналам, но, скорее всего, он просто перекупщик. Отгонит машину на Кавказ, там она, скорее всего, попадет в Азербайджан, а оттуда, через третьи уже руки, в Среднюю Азию. Нам больше интересны сами угонщики. Пока МУР занимается механиками из этого подпольного гаража, разрабатывает всю цепочку и вычисляет хозяев этого бизнеса, нам следует покрутить парней. Удалось пока выяснить лишь то, что «БМВ» Курвихина в бокс пригнали они.

– Что на них есть?

– Очень мало, – раскрывая папку и доставая лист бумаги с текстом, ответил Крячко. – Это Шмарков Александр Николаевич, 1984 года рождения. Москвич. В мастерской и по месту жительства его знают по кличке Шура Шмон. Не судим, но на примете у участковой службы давно. Так сказать, в группе риска. Агрессивен, но алкоголем не злоупотребляет. Он в их дуэте был за отвлекающего. Или хозяина отвлечь, или полицию задержать, если засекут во время угона. Думаю, несколько эпизодов с угонами ему докажут, потому что с такой ролью он обязательно должен был мордой своей засветиться.

– Мы его возле бокса первым стреножили, – напомнил Гуров. – Жаль, труднее теперь с ним будет работать. Он же практически не оказывал сопротивления. Не успел, Саша Малкин поработал. Ладно, читай, Станислав, про второго.

– Второй – личность более известная, правда, в специфических кругах, – продолжил Крячко. – Раззуваев Юрий Вадимович, 1986 года рождения, кличка Жора. У этого Жоры за плечами, в отличие от Шмона, богатое прошлое. Во-первых, три с половиной курса МАДИ¹, между прочим, факультет автомобильного транспорта.

– Даже так, – хмыкнул Орлов. – Даже не спрашиваю, какую роль играл в их дуэте этот Жора. Значит, наблатыкался машины вскрывать и образование побоку, пора зарабатывать.

– И это еще не все, – продолжил Крячко. – Раззуваев дважды проходил по делам об угонах автотранспорта. Первый раз он оказался свидетелем, а второй раз его вина не была доказана. Мы выясним, конечно, нюансы, но, насколько удалось узнать на бегу, это дело тогда вел скандально известный следователь Сырников, уволенный позже за систематические нарушения.

– То, что не попался, говорит о его хитрости, – согласился Орлов.

– Это уж точно, – кивнул Крячко и выразительно посмотрел на своих друзей. – Вы знаете, что очень характерно именно для Жоры? То, что его все знают.

– В смысле? – недоуменно посмотрел на него Лев.

¹ МАДИ – Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет.

– В том смысле, что проводился сбор информации по агентурным источникам, и почти во всех преступных группировках, во всех разобщенных и не разобщенных группах Жору знают. Естественно, знают его рядовые участники, но они не могут определенно сказать, что связывает этого Жору с их командирами. А о делах Жора говорит только с людьми авторитетными, с теми, кто принимает решения.

– Ну, понятно, – кивнул Орлов. – Жора в преступной среде фигура востребованная благодаря своим техническим талантам и намекам на техническое образование. Без одного года бакалавр, говоришь? Любопытно. А остальные задержанные в боксе на тот момент?

– Да, – махнул рукой Лев, сосредоточенно глядя в окно, – это все шушера. Мелочь, которая знает только порученное ей дело. Один обеспечивает «легенду», ремонтируя отечественный «чермет», второй работает по иномаркам, которые ему пригонят, и не знает никого и ничего.

– Покупателя знает, – пожал плечами Орлов. – Знает Жору и Шмона. Хотя он, конечно, не подтвердит, что они угонщики, а покупатель вообще может не знать про липовые документы. Так он на суде и заявит.

– Будем работать с угонщиками, – подвел итог Гуров. – Мы их сразу развели по разным машинам и по разным камерам, и никто из них не знает того, что произошло при задержании его напарника. Тут есть поле для маневра, есть на чем и крутить.

Гуров сидел за столом в одном из кабинетов МУРа, который им с Крячко выделили для работы с задержанными угонщиками. Через несколько часов ими займется следователь, а пока надо парней «крутить» и «колоть», как говорят сыщики. «Крутить» – означает определять причастность к данному преступлению и другим аналогичным, «колоть» – получать признательные показания. Сложный процесс, требующий немалого опыта, знания психологии преступников, причем не сидевших еще преступников, и мгновенной реакции во время допроса. А еще умения задавить своим авторитетом допрашиваемого. Это тоже момент не последний. Бесхарактерный, вялый оперативник или следователь никогда не добьется того, чего может почти мгновенно добиться оперативник энергичный, агрессивный, харизматичный.

Тут одной логики маловато. Почувствует преступник, что у тебя все козыри, что ты полагаешься фактами и доказательствами против него, и замкнется. Просто перестанет отвечать. И что ты будешь делать? Терять дни, недели, а то и месяцы на то, чтобы расшевелить, разговаривать преступника? Ни один судья не примет дела, в котором нет показаний подозреваемого или обвиняемого, нет его подписей на протоколах допросов, ты хоть сто свидетелей приведи, которые подтвердят, что преступник отказался подписывать.

Первым в кабинет привели Раззуваева. Сейчас Жора не выглядел таким улыбчивым и общительным, каким его запомнил Гуров во время задержания. Тогда Раззуваев смотрел на них с ухмылочкой, покуривая сигарету, пока его не сложил пополам Саша Малкин. Сейчас широкое лицо Раззуваева с характерными скулами выглядело неприятно. На нем отражалась даже не затаенная злоба, а что-то сродни ненависти и немного отчаяния. Ненависть к тем, кто прекратил вольную и веселую жизнь удачливого преступника, отчаяние от того, что Раззуваев понимал – раз взяли, да еще на пороге бокса, в котором переделывали угнанные им с напарником машины, то дела его плохи.

Когда сержант из дежурной части доложил о доставленном, Крячко жестом отпустил его, а Раззуваеву показал на стул посреди кабинета. Обойдя вокруг задержанного, он кивнул в сторону Гурова:

– Если ты помнишь, Жора, мы с вот этим дядей тебя брали с поличным возле бокса. Поэтому время не теряй на пререкания, что ты там случайно, что не при делах и знать ничего не знаешь. Тебя со Шмоном «вели» с момента угона, взяли почти в угнанной машине, возле бокса, где вы их потрошите. Так что думай, прежде чем рот раскрывать.

– А че мне думать? – хмыкнул Раззуваев. – Это ваша работа, вы и думайте.

– Ладно, согласны, – быстро ответил Крячко и тут же сменил тон на официальный: – Итак, Вадим Юрьевич Раззуваев, 1986 года рождения. Перед тобой полковник Гуров из Главного управления уголовного розыска страны. Моя фамилия Крячко, и я из того же ведомства. Понял теперь, что тобой не МУР занимается?

– Я думаю, Жора все понял, – вмешался в разговор Гуров. – Жора у нас не дурак, Жора понимает, что с того момента, как он стал напарником Александра Шмаркова и угнал с ним хоть одну машину, он уже участник преступной группы, а это крушение надежд на условный срок. Сюда же тянет и предварительный сговор. Но Жора догадывается, что у его напарника Шмаркова не выдержали нервишки и он стал стрелять в сотрудников полиции во время задержания.

– А уж то, что мы легко докажем и другие эпизоды, Жора у нас и не сомневается. Ведь не сомневаешься? – Стас подошел к Раззуваеву и похлопал его по плечу.

– Да ладно, – нервно дернул щекой заметно побледневший Раззуваев. – Я сопротивления не оказывал, с меня взятки гладки. Ну, «пятерину» мне впают. И что?

Крячко быстро глянул на Гурова, снова шагнул к задержанному, сгреб его воротник в кулак и, одним рывком подняв его со стула, коротко рявкнул ему в лицо:

– Дур-рак! Тебе одного труп водителя «БМВ» 5-й серии хватит лет на пятнадцать. И ты думаешь, мы поверим, что это первый и случайный «жмурик» у вас с Шуриком? Мы умеем искать, ох, умеем! Ты не сомневайся. Не бывает так, чтобы один-единственный. Это тебе петля на шее, Жора! Петля, потому что ты тянешь на пожизненное! Это разбойное нападение с целью завладения имуществом граждан. И умышленное убийство. Это очень страшная статья, Жора. По ней сидят долго и выходят оттуда редко. Понял? Хуже только бандитизм и терроризм...

– Отпусти его, – насмешливо бросил со своего места Гуров. – Что ты его уговариваешь? Не хочет жить, не надо. Что мы, Шуру Шмона не знаем? Знаем, еще и получше, чем сам Жора. Жора вот не знает, а Шмон продаст его с потрохами, лишь бы себе срок скостить и от «мокрой» статьи уйти. Пусть тянет все за друга, если хочет...

Раззуваев пытался что-то возражать, но сыщики не давали ему такой возможности. Его сбивали то новыми обвинениями, то ссылками на имеющиеся доказательства. Главное, не давать вслух задержанному сформулировать свою непричастность и невиновность. Это чисто психологический ход. Что не произнесено вслух, остается пока несуществующим. Пусть копится внутри, пусть находится в разногласии с эмоциями, страхами, сомнениями. Ведь ему же сидеть, а не этим двум полковникам. А где и как сидеть и, главное, сколько, зависит от...

Вот это главное Гуров и Крячко умело формулировали в лихорадочно работающем мозгу преступника. Пусть сам решает, пусть сам делает выводы, к которым его подвели сыщики. Ведь не зря они начали допрос именно с Раззуваева. Он психологически слабее своего подельника. И сломать их пару, а затем каждого из них можно через него.

Когда, так и не дав ему открыть рта, Раззуваева вывели из кабинета, Крячко с довольным видом посмотрел на Гурова:

– Ну, что думаешь? Не переборщил я?

– Нормально. Со Шмарковым будет сложнее. Того и вооруженным сопротивлением не сломаешь. Будем надеяться, что капитан Шишков в своих архивах по угонам найдет зацепочки, что еще этой паре можно предъявить.

– Я думаю, что нам сегодня спать не придется, – задумчиво почесал в затылке Крячко.

– Ты имеешь в виду... – Гуров кивнул на дверь.

– Мне кажется, его ночью надо дожимать. Он сейчас весь в мыслях, сон не пойдет, ночь тревожная, а тут мы. Он же будет думать, что у нас новые данные появились, новые доказательства. С какого перепугу, по его мнению, два полковника из МВД спать домой не отправились. Прямое доказательство, что у них что-то есть серьезное на него.

– Хитрый ты, Станислав, – покачал головой Лев. – Но я с тобой соглашусь. Передержим парня, если сегодня не добьем. Потом будет сложнее.

Через несколько минут в кабинет ввели высокого смугловатого парня. Шура Шмон не выглядел подавленным, не старался вести себя нагло. Лицо его как будто окаменело, и смотреть он старался в стену, мимо двух полицейских, к которым его привели. Доставивший задержанного сержант вопросительно посмотрел на Гурова и кивнул на наручники, сковывающие руки Шмаркова.

– Нет, – громко ответил Гуров, – пусть в них сидит.

В глазах Шмаркова мелькнули снисходительные искорки. Он посмотрел на человека, сидевшего за столом, на второго, стоявшего у зарешеченного окна, и спросил хриплым голосом:

– Че, боитесь, что ли? Куда я отсюда убегу?

– Отсюда не убежишь, – хмыкнул у окна Крячко.

– А-а, – засмеялся Шмарков, – боитесь, что не справитесь, если я бузить начну?

– Глуп ты, как я посмотрю, – вздохнул Лев и откинулся на спинку стула, с безразличностью разглядывая задержанного. – Не понимаешь, что вот с такой мразью, как ты, нам дел иметь совсем не хочется. Улик достаточно, дело раскрыто. Да и не одно. Нам благодарности и похвалы, а тебе – в колонию. Только вот сколько нервов нам испортишь, да еще следователю. И на суде потом начнешь куражиться. Кому это надо? Есть выход и попроще.

– Да, Шмон, – неприятным голосом подтвердил Крячко и демонстративно подошел к двери, прислушиваясь к звукам из коридора. – Все так и есть. Мы только того и ждем, чтобы ты кинулся на кого-то из нас. Стулом бы замахнулся, а я бы в тебя половину обоев выпустил, спасая жизнь своего товарища.

– Стул прикручен к полу, – машинально ответил Шмарков, и взгляд его стал настороженным. – И вообще за такое вас самих... того самого. Здесь...

– Можно и не здесь, – остановился за спиной Шмаркова Крячко. – Можно и во время следственных действий за пределами этих стен. Тоже мне, проблема. Не ты первый...

– Вы че? – откровенно заволновался Шмарков и стал крутить головой, пытаясь понять, что за его спиной делает опер.

– А ты чего заволновался? – рассмеялся Гуров. – Поверил? Наивная твоя душа! Вот когда тебе говорят, что соберем улики, докажем, когда обещаем, что суд даст тебе большой срок, ты почему-то не веришь, а когда тебе грозят смертью исподтишка, ты сразу повелся. Ну, разочаровывать не буду. Думай, как хочешь, как тебе твой жизненный опыт подсказывает. А нас интересует твоя биография и все твои дела с угонами.

– А че я вам на себя клепать должен, – пожал плечами Шмарков. – Доказывайте, вам за это деньги платят. Докажете – ваша взяла, нет, так я посижу и выйду.

– За перестрелку с полицией ты сядешь точно, – пообещал Крячко.

– Не докажете. Там нет моих пальчиков, – хрипло засмеялся Шмарков.

– Пальчиков нет, – пустился в экспромт Крячко, – зато есть свидетельские показания. Там дураков, кроме тебя, не было. Мамедову это все тоже не очень нужно, он тоже хочет побыстрее домой вернуться. Так что процесс стирания пальчиков зафиксирован, как и стрельба тобой в офицеров полиции. Свидетели показали, что они слышали предупреждающие возгласы. Не отвертись, что не знал и не слышал. Но это все цветочки, а вот убийство на Кутузовском проспекте гражданина Курвихина с целью завладения его имуществом, в частности автомашиной «БМВ», и тому подобным – это намного серьезнее. Да по предварительному сговору, да группой. Не ошибись, Шмон, когда грубить нам соберешься.

– Дураков нет, – усмехнулся Шмарков, но уже не с прежней уверенностью. – Я в ваших руках, нет мне резона злить вас. Есть что – предъявляйте.

– Сержант! – гаркнул Гуров специально, чтобы подольше поддерживать нервы Шмаркова во взвинченном состоянии.

Вообще-то Крячко мог спокойно подойти к двери и вызвать конвойного. Но сейчас все требовалось делать «на нервах». Сержант вошел и вопросительно посмотрел на Гурова.

– Забирайте его, – велел Лев, а потом ткнул указательным пальцем Шмаркову в лицо: – А ты, Шмон, заруби себе на носу. Пока мы с тобой разговариваем по-хорошему, ты можешь рассчитывать на человеческое к тебе отношение. Начнешь злить, раздражать и мешать, превратишься в бездушный мешок дерьма, от которого мы захотим избавиться побыстрее. Пусть МУР тобой занимается. А мы, с высоты нашего служебного положения, могли бы тебе твою участь облегчить. Но решать тебе!

Шмаркова увели. Крячко с любопытством смотрел на Гурова, сложив руки на груди. Тот о чем-то напряженно думал. Причем, насколько Станислав знал своего старого друга, напарника и начальника, от Гурова стоило ждать чего-то нестандартного.

– Знаешь что, Станислав? – Гуров стряхнул с себя задумчивость, пружинисто встал и прошелся по кабинету. – Мой опыт подсказывает мне, что в паре Шмарков и Раззуваев – Шмарков мог и должен был быть старшим. Больше того, Раззуваева, с его техническими талантами, могли использовать «втемную», если убийство Курвихина заказное.

– Так, так, – улыбнулся Крячко. – Мы пока никакого криминала вокруг бизнеса Курвихина не обнаружили, но допустим.

– Курвихина хотят убрать, – загнул Лев один палец на руке, – для этого нанимают Шмаркова, чтобы имитировать убийство с целью ограбления. Шмарков – угонщик, это в их кругах знают все, и большого смысла использовать именно его нет. Значит, – загнул он второй палец, – Раззуваев не должен знать заказчика. Они бы так не рисковали.

– Тогда Раззуваев должен был знать, что Курвихин именно в то время и в том месте остановится на Кутузовском проспекте. Значит, плясать надо от Курвихина, а не от рядовых исполнителей.

– Примерно так, – согласился Гуров. – Но эти умозаключения нам надо уточнить. И срочно. Сегодня ночью в напряженной нервной атмосфере трясем Раззуваева, а потом мы с тобой вслед за «муровцами» пройдем по всем связям Курвихина. Куда он, черт возьми, поперся ночью? И что он делал на Кутузовском?

– А до ночи пусть с ним поработает мой человек в камере, – предложил Крячко. – Приглядится, может, подогреет его, напряжет всякими рассказами, попугает маленько якобы своим опытом. Есть у меня такой ас камерных разработок.

В одиннадцать вечера, когда сыщики находились в своем кабинете на Житной, на мобильный телефон Гурова неожиданно позвонил майор Шалов и доложил, что совершенно случайно буквально в десяти метрах от зоны поиска на месте убийства Курвихина найден электрошокер.

– Ну-ка, ну-ка, Глеб Сергеевич! Повторите еще раз и в деталях, – велел Гуров и включил внешний динамик своего телефона. Крячко подсел рядом и приготовился слушать.

– Ребята, которых я оставил заканчивать повторный осмотр места на Кутузовском, – снова заговорил майор, – проявили инициативу и, чуть расширив зону поиска, сразу нашли на линии кустов электрошокер. Темно-красная такая штучка. Не очень дорогая, рассчитанная на непосредственный контакт, без всяких стреляющих там картриджей. Лежал он, чуть запутавшись в нижних ветвях кустарника, поэтому его со стороны аллеи было не видно, а со стороны дороги, естественно, его не видели водители, потому что смотрят на дорогу, а не на кусты.

– Посторонняя вещь, – с сомнением вставил Крячко.

– Что? – переспросил майор. – А-а, здоровья желаю, Станислав Васильевич. Это вы там рядом. Нет, не случайность. Эксперты в лаборатории обнюхали предмет с особой тщательностью. Есть два хороших отпечатка пальцев.

– Один Курвихина? – догадался Гуров.

– Так точно. Мы сверили с дактилокартой из морга. А вот второй отпечаток – маленький и узкий. Или ребенок, или женщина. Скорее женщина, потому что это женская модель «Акула PRO», а еще в щелке между двумя деталями застрял обрывок женского волоса. Эксперты сказали, что волос живой, ему всего несколько дней. Темно-каштановый, здоровый, но крашеный. Анализ на ДНК подлежит, если таковая необходимость возникнет.

– Ну, ты обрадовал, Глеб Сергеевич! – засмеялся Крячко. – Даже не представляешь, как ты нас обрадовал! – И, когда Гуров отключил телефон, спросил: – Ну?

– Что «ну»? Сам не понимаешь? Если бы Курвихину при его статусе угрожала опасность, он бы носил с собой «травматик», а то и получил бы разрешение на боевой «Иж». И уж телохранителя он мог себе позволить. Другое дело, что во время этой таинственной поездки он не взял бы его с собой. Но женская модель электрошокера не вяжется тут ни с чем.

– Вот! – с довольным видом потер руки Крячко. – Я и говорю: либо жена, либо дочь, либо любовница. Это мы установим теперь легко.

– Наличие любовницы у Курвихина не установлено. Жена есть, дочь есть.

– Электрошокер он мог взять из стола секретарши, – заметил Крячко. – Вариантов много, так что завтра у нас с тобой напряженный день.

Набросав к двум часам ночи план беседы с несколькими женщинами из окружения Курвихина, в том числе с его женой и дочерью, сыщики отправились на Петровку в ГУВД Москвы. Шмарков и Раззуваев сидели в камере ГУВД последнюю ночь. Завтра следователь их официально арестует, и переправят ребят в СИЗО.

Помощник дежурного проводил Гурова в дежурную часть, где его принялись угощать кофе, а Крячко отправился побеседовать со своим агентом. Дружба дружбой, даже будь вы сто раз коллегами по работе, а чужих агентов в лицо знать не положено никому. Даже твоему начальству.

Крячко вернулся минут через двадцать. Он выразительно глянул на помощника дежурного и подсел к Гурову.

– Ну, все в порядке, Лев. Раззуваева обработали нормально. Чего-то он боится, весь на нервах. Даже сидеть на одном месте не может. Причем не нас он боится, а скорее, блатных. Расколоть его в камере не удалось, вопросами вывести на чистую воду тоже. Но главное ясно – не все там просто у них с убийством Курвихина. Знаешь, какую мыслишку мне подбросил мой человечек? Вы, говорит, пригрозите вообще его отпустить, за неимением серьезных улик. Возьмите подписку о невыезде и отпустите. Он или откажется выходить, или кинется с кем-то объясняться.

– Насколько твой агент опытен? Можно его рекомендациям верить?

– Вполне. Это тот еще жучара, людей из блатной среды видит насквозь.

Сейчас Раззуваев выглядел далеко не таким уверенным. Лицо посерело от волнения, глаза глубоко запали, а губы вытянулись в тонкую нервную нитку. Он встал на пороге, глядя в лица полковников, а сержанту из дежурной части пришлось подтолкнуть задержанного. Раззуваев даже не оглянулся. Шаркая ногами, он прошел на середину комнаты, где ему приготовили стул, и тяжело опустился на него. Гурову показалось, что парень чуть ли не вздохнул в голос, когда сел.

Крячко знаком отпустил сержанта и расположился на другом стуле, усевшись на него верхом.

– Ну, Юрий Вадимович? – спросил Гуров. – Что вы нам скажете? Как там в фильме было? Он же Гоша, он же Гога, он же Жора.

– А в чем вы меня подозреваете? – пристально посмотрел на него задержанный.

– Странный вопрос. Убийство человека с целью завладеть его автомашиной, несколько угонов дорогих иномарок. Это уже букет. Начнем крутить тебя на других эпизодах, и тогда всплывет еще что-то. Кажется, это очевидно? Но мне понравилась форма твоего вопроса.

– В смысле? – насутился Раззуваев. – Какая форма?

– Ты спросил, в чем мы тебя подозреваем. Заметь, ты сказал не «нас», а «меня». Это ты точно уловил. У вас сильно разные статьи будут. И сроки!

– С кем?

– Со Шмоном, конечно, – усмехнулся Лев. – Не придуривайся, ты все понимаешь.

– Понимаю, – неожиданно произнес Раззуваев. – Шмон меня сдаст. Не вашим, блатным сдаст. Я ему не нужен, теперь только мешаю. Я про угоны знаю, мы с ним еще не за все тачки бабки получили. Он накапает блатным, и меня в камере удавят как-нибудь ночью. И все останется ему... Когда выйдет.

– Вообще-то, Юра, – почти отеческим тоном сказал Крячко, – мы знаем немного и о тебе, и о Шмаркове. Шмарков пустое место в блатном мире, а ты – специалист, востребованный специалист. Ты любую машину «на раз-два» откроешь, за что тебя и ценят.

– Фигня все это, если честно, – заметно погрузтел Раззуваев. – Сейчас такие приборчики есть в широком ходу, что любой лох любую тачку с сигнализации снимет и заведет без проблем. Да, ко мне постоянно обращаются, но настоящих связей у меня нет среди этих... блатных. А у Шмона есть. Он оттуда, из них, а я там временный. И вы ведь не все знаете...

– Что мы не знаем? – встрепенулся Гуров.

– Что мы в тачке этого вашего нашли. Ну, того, что на Кутузовском ночью завалили, хозяина крутой «бэхи».

В воздухе на несколько секунд повисла напряженная, почти звенящая тишина.

– А что вы там такого нашли? – стараясь не выдать своей заинтересованности, наконец спросил Гуров.

– Бабки. Целый кейс с бабками... полтора «лимона» «налика».

– В рублях? – тут же спросил Крячко.

Раззуваев коротко кивнул и замолчал, обреченно уперевшись взглядом в пол. Гуров, глядя на него, прикидывал варианты дальнейшего развития беседы. Ясно, что с протоколами лезть сейчас не следует, и так, того и гляди, тонкая нить доверия разорвется. Черт с ним, если он завтра от своих слов откажется. Главное, получить достоверную информацию, а уж как ее потом превратить в частичку доказательной базы, придать ей статус официальной, подумаем потом. Мы всю жизнь имеем дело с оперативной информацией, которую к делу не пришьешь. Такая наша работа. Следовательно ищет прямые доказательства, улики, а мы – подсказки, ректоры потом дадут следователю те самые доказательства.

– Расскажи, как вы водителя «бэхи» убили? – попросил Лев. Именно попросил, а не приказал, не потребовал.

– Так получилось, – проворчал Раззуваев. – Это все Шмон. Мы вообще-то не планировали...

Картина выглядела следующей. В тот поздний вечер Раззуваев и Шмарков шли по аллею мимо музея. Шли после неудачной попытки угнать дорогую тачку. «Заказная» машина, которую они обхаживали вторую неделю, сорвалась из-под носа. А ведь все складывалось удачно: и хозяин, приехав к любовнице, оставил машину вне видимости из ее окон, и до утра он к машине бы не подошел, и сигнал системы сигнализации уже давно был скопирован. А тут, как назло, когда парни уже решили приступить к угону, подвыпившая пара каких-то «ушлепков» начала пинать машины на парковке возле дома. Завыли и запищали сигнализации, откуда-то почти сразу вывернула патрульная машина ДПС. После такого «концерта», когда перенервни-

чавшие жилыцы дома будут еще долго выглядывать из окон на свои машины, соваться к нужной тачке было глупо. Придется снова выжидать, и не меньше недели.

И вот, торопливо пересекая сквер на Кутузовском, они и увидели классную «бэху», припаркованную у тротуара. И мужика, который кого-то ждал. Ждал вальяжно, даже сонно как-то. Парни залюбовались машиной, прикинув возможный навар. А тут еще водитель вышел, потягиваясь и разговаривая с кем-то по телефону. Совершенно ясно прозвучало: «Я тебя уже жду, сколько ты будешь собираться?»

Шмарков сразу загорелся. Он предложил обойти мужика с двух сторон, резко «вырубить», а потом спокойно увезти машину. Раззуваев стал возражать. И машин по проспекту движется много, и «вырубить» надо человека на несколько часов, чтобы успеть машину спрятать. Заманить в кусты не удастся. С какой стати ему идти за незнакомыми людьми в кусты? Если честно, то Юрке Раззуваеву не хотелось наносить вред здоровью хозяина машины. Одно дело – технично угнать машину с парковки, и совсем другое – напасть на человека.

Компромисс нашел Шмарков. Он всегда умел убеждать незамысловато и надежно. Раззуваеву срочно нужны были деньги, а тут вот она, призовая тачка. И деньги Шмарков обещал чуть ли не завтра. Есть у него якобы покупатель на точно такую «бэху». А еще Шмарков заявил, что знает безопасный, но надежный удар, от которого человек будет в отключке два часа. И Раззуваев решился. Но все с самого начала пошло не так. А пошло так, что до сих пор вспомнить страшно.

Привлечь внимание водителя должен был сам Раззуваев. Санек заявил, что у Юрки внешность располагающая. Шмарков остановился у кустов, схватился за сердце и стал опускаться на землю, на одно колено, и лицо сделал такое страдальческое, что не поверить было трудно. Раззуваев, как они и договорились, бросился к водителю с просьбой о помощи. Он не стал конкретизировать причину, просто, как советовал Шмарков, давил на психику и взывал о помощи.

Мужчина «купился» быстро. Правда, он деловито поставил свою машину на сигнализацию и только потом поспешил за Раззуваевым, узнав, что там случилось с его другом. Им удалось-таки убедить Курвихина дойти до самых кустов. Как раз до того места, где на траве была первая кровавая отметка.

Раззуваев вдруг замолчал и сидел, подергивая плечами, словно у него болезненный озноб. Гуров не торопил. Крячко сидел рядом верхом на стуле и терпеливо теребил нижнюю губу, присматриваясь к задержанному, а не играет ли тот. Всяких повидали матерые полковники на своем веку.

– Короче... – глухим голосом заговорил наконец Раззуваев. – Этот мужик как-то догадался... А Шмон, сука, с самого начала, видать, решил того типа «замочить», только не сказал мне об этом, знал, что я буду против. Я и опомниться не успел, как Шмон ударил. Испугался я тогда сильно... видел, как лезвие в темноте блеснуло... Мужик, видать, дернулся, и Шмон его не сильно задел. Потом гляжу, у мужика в руке шокер, даже разряд видел. Но он уже раненый был... Шмон ногой шокер выбил и второй раз его ножом... Я как в тумане был. Помню, что мы мужика сразу под мышки ухватили и чуть ли не на руках за кусты, чтобы со стороны не видно было, как мы его волочем.

Крячко встал, скрипнув стулом, подошел к маленькому холодильнику у окна. Открыл, позвенел чем-то и, захлопнув дверку, протянул Раззуваеву найденную в холодильнике маленькую бутылку «Аква минерале». Задержанный схватил ее, отвинтил крышку и жадно припал губами к горлышку.

Вот и этот сломался, подумал Гуров, глядя, как судорожно дергается кадык Раззуваева, покрытый двухдневной щетиной, как льется на шею и за воротник вода. Сколько раз он за свою жизнь наблюдал такую же вот характерную сцену. Все они считают себя героями, пока их двое, а жертва беззащитна, они чувствуют свою удачливость и безнаказанность, когда по ночам снимают блокировку с заранее присмотренной машины. Они довольны жизнью и безгранично

счастливы, когда получают большие деньги за украденное чужое имущество. А потом вот так! Животный страх в глазах, судорожно дергающийся небритый кадык и пролитая вода, потому что скулы сводит, а во рту сухо, как в заброшенном колодце в центре пустыни.

– Ну, дальше? – предложил Лев умышленно равнодушным голосом.

Он очень хорошо знал, как действует именно такая вот равнодушная интонация на преступников, которые созрели, чтобы каяться. Им теперь до зарезу, им как воздух нужен сочувствующий слушатель. И вот этот психологический сдвиг обычно приводит к истерикам. Преступник начинает каяться, начинает молить, чтобы его выслушали, чтобы дали возможность не только рассказать, но и объяснить. Не все из них, и не очень часто. Только слабые.

– Что дальше... – снова нервно дернул плечом Раззуваев. – Ключ от машины из кармана вытащили, и на дорогу. Завели и... Кейс мы потом увидели.

– А водитель был уже мертв, когда вы по его карманам шарили? – уточнил Крячко.

– Да... нет... Он хрипел, и нога так... подергивалась.

– Где кейс с деньгами сейчас?

– Не знаю... – неуверенно пробормотал Раззуваев. Потом помолчал и добавил: – Наверное, Шмон у бабки своей спрятал.

– Что за бабка?

– Её бабка. По матери. Она в Марфино живет. Мы когда тачку отогнали, Шмон взял кейс и сказал, что спрячет до поры до времени, потому что нельзя пока этими деньгами пользоваться, вдруг номера переписаны или сами купюры меченые какие. Надо проверить, подождать, а потом уж делить.

– Кто еще про деньги знал? – спросил Гуров.

– Никто, – убежденно ответил Раззуваев. – Мы никому не говорили... Я не говорил. Если только Шмон... Хотя, ему зачем? Это мне потом уже пацаны сказали, что этот мужик, которого Шмон завалил из «бэхи» на Кутузовском, вроде как при делах, за него могут и разборки начаться. Поэтому и с машиной не спешили. Опасно. Этот Мамед все торопил...

– Значит, так, Юрик. – Гуров посмотрел на часы и решительно встал из-за стола. – Разговор наш запомни крепко-накрепко. Хочешь до суда дожить, а потом рассчитывать на маленький срок и в колонии выжить, тогда усвой одну простую истину. Ты живешь в государстве. И кроме государства, государственных органов, в данном случае полиции, тебя никто не защитит. Все эти бредни про уголовные порядки и понятия забудь. Там волки волков жрут. И пикнуть не успеешь, как потроха выпустят. Усвоил?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.